

И.Т. Касавин. Testimonial Knowledge, или Знание-понаслышке

«Dasein возвращается в определенном способе говорения [des Redens] о самом себе: молва, толки, слухи [das Gerede]».

Heidegger M. Gesamtausgabe: Abt. 2: Vorlesungen, 1923-1944. Bd. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Fr .a. M., 1988. S. 31.

Сколько слухов наши уши поражает,
Сколько сплетен разъедает, словно моль!
Ходят слухи, будто все подорожает -
абсолютно, -
А особенно - штаны и алкоголь!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

В. Высоцкий. Песенка о слухах

1. Как важно быть Робинзоном

И Хайдеггер, и Высоцкий говорят об одном и том же: о захваченности человека социумом, в котором человеку предлагается видеть себя сквозь призму другого. Так короля делает свита, автора – читатели, героя – толпа. Отсюда не сегодня возникшее стремление блокировать этот источник познания, заменив его автономным, ни от кого не зависимым опытом субъекта.

Философские метафоры, носящие имя Робинзона или Маугли, нередко используются для обозначения эпистемологического индивидуализма, сенсуализма, эмпиризма. Поверхностная критика последних состоит в недоумении по поводу наивности наших великих предшественников, якобы не знавших, что люди живут в обществе и в своем интеллектуальном развитии существенно зависят от него. Однако Р. Киплинг описывает формирование своего героя в контексте многообразной коммуникации (пусть

даже и с воображаемым звериным сообществом), вне которой Маугли ничему бы не научился и не выжил в джунглях. И Д. Дефо убедительно показывает, что на необитаемом острове особую ценность приобретает именно то, что связывает человека с другими людьми – инструменты, книги, приобретенные ранее навыки и знания. А общение с попугаем или псом выступает как замещение человеческой коммуникации, вне которой утрачиваются и язык, и сознание.

Как замечает М.К. Мамардашвили, «предполагаемая в XVII—XVIII вв. «гносеологическая робинзонада» вовсе не глупость, свидетельствующая о непонимании того, что человек живет в обществе (об этом знали все), а своеобразная абстракция, исторически необходимая и достаточная для осмысления определенных отношений научного сознания. Индивидуалистическая фикция, порожденная становлением буржуазного общества, общества свободной конкуренции, в данном случае оказала своеобразную услугу теории познания, позволила выделить и зафиксировать исследовательскую деятельность ученого в ее отличии от простого оперирования готовыми, социально навязанными представлениями, традиционными нормами и «святыми» догматами. Особенность научных положений усматривалась теперь в том, что они являются продуктом собственного разума и собственной деятельности суверенного в своем мышлении индивида, который может все подвергнуть критической оценке и вынести самостоятельное решение»¹.

Казалось бы, эта абстракция имела определенный шанс лишь в том интеллектуальном сообществе, где едва ли не единственными «средствами массовой информации» были письма Марена Мерсенна или Беттины фон Арним, а в университетах преподавали почти исключительно теологию и классические языки. Сегодня же, в условиях «информационного общества» или «общества знания» познающий субъект настолько пленен сообщениями,

---

¹ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М., 1968. С. 11-12.

поступающими отовсюду, что практически утратил всякую когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию. Поэтому, начиная рассмотрение темы «знания-понаслышке», следует по достоинству оценить идею гносеологической робинзонады, которая всегда была не столько описанием реального положения дел, сколько нормативным требованием автономности научного мышления. В этом своем значении она не только утратила значения, но еще более актуальна в наши дни. Иное дело, что она нуждается в существенных коррективах. Коммуникация, в которую актуально или потенциально включен человек, не должна заслонять познавательного значения индивидуального субъекта с его возможностями экспериментирования, выбора, рефлексии, языкового выражения.

В отечественной литературе тема познавательной коммуникации или коммуникативного знания (что иронически могло быть названо «знание-понаслышке») почти не рассматривается². И напротив, в англоязычной литературе весьма обширна библиография по сопоставлению "knowledge by acquaintance" and "knowledge by description", т.е. знания, получаемого субъектом в индивидуальном опыте, и опосредованного знания феноменов, о которых имеются только сообщения других людей (Дж. Грот, Г. Гельмгольц, У. Джеймс, Б. Рассел). В аналитической философии разработка понятия «knowledge by description» предшествовала современной проблематизации понятия «testimonial knowledge», которая активно идет последние двадцать лет. Развернувшуюся дискуссию отчасти инспирировали работы таких крупных философов как М. Даммит, Д. Дэвидсон, Дж. Остин, Дж. Серл, П. Стросон, С. Тулмин, Ю. Хабермас, Я. Хинтиikka, Р. Холтон, Э. Энском, которые рассматривали в том числе и общие вопросы (другие сознания; коммуникация и доверие в познании; значение, понимание и интерпретация; аргументация и обоснование; источники и трансфер знания; моральное измерение познания). Однако еще большую роль сыграли здесь авторы,

---

² Книга «Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации», отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус (М., 2012, в печати) – один из шагов на пути ликвидации этой лакуны.

относительно малоизвестные в России, хотя и весьма влиятельные на Западе (Р. Ауди, Т. Бёрдж, Р. Брэндом, П. Грэхем, Ф. Дретцке, Э. Соса, Тони Коуди, Дж. Лэки, М. Уильямс, Р. Фоли, П. Фолкнер, Э. Фрикер, Ф. Шмидт). Обзор наиболее значимых исследований и типологию позиций в этой области можно найти у Дж. Адлера и Ч. Грина³.

«Testimony» - слово, собственно философского значения которого, как это нередко бывает, не найти в словарях. Стандартные значения («свидетельство», «показание», «довод», «доказательство», «утверждение», «торжественное заявление», «скрижали») имеют специфические оттенки, нуждающиеся в уточнении. Вероятно, наиболее точным философским переводом «testimonial knowledge» было бы «знание-сообщение».

2. Исторический контекст

Итак, какова же роль знания, получаемого не в индивидуальном чувственном опыте, а в коммуникации с другими людьми? Постановка этой проблемы заставила внимательнее всмотреться в историю философии. У целого ряда великих философов прошлого обнаружилось корни этого понятия (Платон, Аристотель, Августин, Ф. Бэкон, Спиноза, Локк, Юм, Рид, Кант и др.). Его история оказывается значительно старше истории соответствующего термина и начинается, по крайней мере, с античного «*доха*». Интересные размышления на этот счет предлагает Х. Арендт, сопоставляя философию и политику⁴. *Докса*, традиционно противопоставляемая *эпистеме*, есть знание, свойственное не философу, а члену полиса, гражданину, разделяющему со всеми набор стандартных убеждений и верований. Но если философ стремится участвовать в политической жизни, он должен показать, что *эпистеме* не просто противоположно и несовместимо с *доксой*, но как бы включает ее в себя. Не следует отграничивать философскую мудрость от повседневности и живой коммуникации, ибо от этого страдают обе стороны.

---

³ См.: Adler J. Testimony, Trust, Knowing // The Journal of Philosophy 1994, XCI: 264–275; его же. Epistemological Problems of Testimony // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2006

(<http://plato.stanford.edu/entries/testimony-episprob/>); Green Ch. The Epistemic Parity of Testimony, Memory, and Perception. A dissertation. Notre Dame, 2006 (http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1005782).

⁴ См.: Арендт Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М., 2008.

Возвысить доксу до эпистеме, а эпистеме укоренить в доксе – примерно так можно понять вывод автора с точки зрения поздней феноменологии Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и А. Шюца. Вполне в унисон с нею П. Бурдьё использовал термин «doxa» для обозначения того, что принимается на веру в некотором конкретном социуме. Это опыт, в котором «природный и социальный мир выступают как сфера очевидности»⁵.

Однако этому современному взгляду предшествовала долгая история, в которой решалась задача обоснования суверенности разума: способности и права человека «жить своим умом» (И. Кант). И здесь в ход шли все средства очищения сознания. Ф. Бэкон разоблачал «идолов рынка и театра», т.е. неверное использование слов и влияние ложных учений. Р. Декарт прививал вкус к радикальному сомнению и методическому выстраиванию рационального мышления. Французские просветители, воодушевленные атеизмом Д. Юма, возвеличили науку и обрушили свой «острый галльский смысл» на религиозные догмы. Обычно именно конфронтация Д. Юма и Дж. Рида в форме сенсуалистической атаки против здравого смысла и знаменует собой рождение термина и проблемы «редукционизм-антиредукционизм» применительно к знанию-свидетельству⁶. И. Кант обосновывал автономность разума и стал символом индивидуалистической и субъективистской эпистемологии. Понадобилось свыше ста лет, чтобы оценить социальный потенциал трансцендентальной философии и скрытую историчность ее априоризма; этому мы обязаны феноменологии позднего Э. Гуссерля. После этого была открыта возможность для обнаружения эпистемической социальности уже в учении Канта, для которого коммуникация оказывается неустрашимым источником и условием познания⁷.

---

⁵ Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge, 1977. P.164.

⁶ Лишь недавно стало выясняться, что Юм был понят превратно. Его критику религии в эссе «О чудесах» истолковывали как манифест универсального сенсуализма. Однако мнимый редукционизм Юма (сведение всех знаний, полученных от других людей, к чувственным впечатлениям индивида) оборачивается приоритетом коллективного субъекта, если речь идет о формировании обычаев, языка и категорий. Ряд аргументов в пользу этой позиции см. в: Касавин И.Т. Дэвид Юм: парадоксы познания // Вопросы философии, 2011, № 5: Gelfert A. Hume on Testimony Revisited // *Logical Analysis and History of Philosophy*, Vol. 13 (2010, "David Hume: Epistemology and Metaphysics"). Pp. 60-75.

⁷ См.: Gelfert A. Kant on Testimony // *British Journal for the History of Philosophy* 14(4) 2006. P. 648.

3. Проблемный контекст: источники знания: чувственный опыт или языковое сообщение. Возможности редукции

По вопросу о природе «знания-сообщения» конкурируют три основных подхода. Согласно первому, всякое знание, полученное путем коммуникации с другим, является вторичным, поскольку в конце концов может быть редуцировано к индивидуальному опытному знанию. Опыт отдельного субъекта, в основе которого лежит чувственное восприятие реальности, есть основа всякого знания. Согласно второму подходу, коммуникационное сообщение является таким же фундаментальным источником знания, что и личный чувственный опыт индивида, и не может быть сведено к последнему. Подавляющая часть нашего знания обязана тому, что индивид живет в обществе, и коммуникация представляет собой такой же легальный и нередуцируемый источник знания. Третья позиция состоит в утверждении приоритета коммуникативного знания: коммуникация – источник и условие опыта, всякого познания вообще.

Можно ли выбрать и обосновать одну из вышеуказанных позиций так, чтобы другие оказались производными от нее? В этом – основная проблема доклада.